

Когда закончился последний урок и почти все его одноклассники покинули здание школы – так поспешно, будто не хотели находиться внутри и лишней минуты, – Кирилл тоже прошел через металлоискатель и встал на крыльце. Во дворе мельтешили дети в ярких куртках и старались друг друга перекричать; их родители с озабоченными лицами одной рукой забирали у них рюкзаки, а другой что-то писали в телефонах. У одной из мам сорвалась с поводка крошечная собачка и понеслась с оглушительным лаем за каким-то мальчишкой. Мать раздраженно посмотрела ей вслед и начала записывать войс, держа перед собой телефон, как радиопередатчик.

– Ну как ты? – спросил Данила.

Они с Кириллом дружили с первого класса и раньше едва ли не каждую свободную минуту проводили вместе, но в последний год стали видеться редко, потому что Данила все время был занят, так что Кирилл и не знал теперь, друзья они или нет.

– Норм, – ответил Кирилл.

Сегодня он пришел на занятия после перерыва в полтора месяца. Все – и учителя, и одноклассники, и даже повара в столовке – делали вид, что ничего особенного не случилось, что он такой же семиклассник, как и все остальные, что это нормально – взять и пропустить шесть недель без объяснений, а потом вернуться и вновь сесть за

парту. Но почему-то даже сидя на последнем ряду, он чувствовал себя в центре внимания, будто невидимое силовое поле притягивало к нему мысли не только математички, которая вдруг забывала, о чем до этого говорила, и бросала на него тревожный взгляд, но и всех остальных тоже. На перемене отличница Рыбакоп, протерев доску, подошла к Кириллу и протянула ему глазированный сырок – с таким видом, будто делала это каждый день. Качок Хомягин похлопал его по плечу, пробубнил, что надо как-нибудь потусить, и по пути к своей парте сбил с подоконника цветочный горшок. Староста Ида Гроу, всегда, вне зависимости от сезона, носившая платок, завязанный в узел надо лбом, как на постере «We Can Do It!», подарила Кириллу тетрадь, когда выяснилось, что свою он забыл дома. В том, как его одноклассники старались вести себя как ни в чем не бывало, было столько напряжения, что к концу шестого урока Кириллу показалось, что он не выдержит.

– Пошли погуляем, – предложил он Даниле.

Тот испуганно выдохнул:

– Я не могу. У меня плавание, потом репетитор по алгебре. Давай завтра?

– Давай.

– Блин, у меня ж завтра хоккей и русский. – Данила виновато захлопал глазами.

– Ладно, не парься, – подбодрил его Кирилл.

В дождь всё вокруг – дома, деревья, автобусы, даже прохожие под зонтами – казалось тяжелым, набрякшим, безрадостным, но что-то все равно было в том, чтобы долго идти по улице, ощущать, как капли стекают за шиворот, и даже не пытаться укрыться.

- Ты правда норм?
- Правда.
- Пиши мне в телеге, если че.

Данила сбежал со ступенек и с огромной скоростью пересек школьный двор, едва не сбив с ног пачкана лет десяти и чуть не раздавив собачку.

За эти полтора месяца Кирилл успел свыкнуться с одиночеством. Почти каждое утро он выходил из дома и до самого вечера бродил по городу; мама оставляла ему деньги в прихожей, а когда забывала, он сам брал из ее кошелька столько, чтобы хватило на пару бургеров с колой и еще на какую-нибудь мелочовку. Он успел вдоль и поперек обойти Ботсад, ВДНХ, парк Горького и Нескучный, излазил весь Китай-город, Пушкинскую, Чистые и Патрики, исследовал даже отдаленные районы вроде Беговой. Он в подробностях изучил, как его родной город ведет себя в разную погоду. В дождь всё вокруг – дома, деревья, автобусы, даже прохожие под зонтами – казалось тяжелым, набрякшим, безрадостным, но что-то все равно было в том, чтобы долго идти по улице, ощущать, как капли стекают за шиворот, и даже не пытаться укрыться. При сильном ветре всё, наоборот, казалось легким, невесомым, словно могло в любой момент сняться с места и улететь. Кирилл видел однажды, как ветер поднял пустую детскую коляску и через несколько метров бросил, будто передумал. На ярком солнце городской пейзаж выглядел не совсем настоящим, слишком празд-

ничным и потому вызывающим подозрение, так что Кирилл предпочитал фоновую погоду – обычную, никакую.

Сейчас, после нескольких часов, проведенных в школе, он с непривычки испытывал что-то вроде сенсорной перегрузки. Ему хотелось отыскать место, где можно побыть в относительной тишине, и он решил догулять до Екатерининского парка. Людей на улицах было много – возможно, из-за того, что пришла настоящая весна, – и многие из них улыбались – наверное, по той же причине. Кириллу казалось, что сам он разучился улыбаться: углы его рта опустились вниз и застряли, как если бы кожу прибили степлером. Идя по Новослободской и взглядывая на свое отражение в витринах, он пробовал поднять их вверх хотя бы до нейтрального положения, но ничего не выходило.

В парке он наконец нашел то, что в мегаполисе считается тишиной. Опустившись на скамейку у пруда, Кирилл стал смотреть на бликующую поверхность воды и деревья в новой нежной листве, а затем поднял голову и увидел небо такого невероятного цвета, что тут же заозирался по сторонам. Все вокруг, казалось ему, должны были бросить свои дела и застыть, глядя вверх. Но молодые матери продолжали толкать коляски, пенсионеры крутили бедрами, разминая суставы, а собачники кидали своим питомцам мячи и палки.

Кирилл снова перевел взгляд наверх. Там, на огромной высоте, появился самолет – маленький, четкий, гладкий – как значок, приколотый к сиреневому-синему исполинскому полотну.

Вскоре на соседнюю скамейку сели две молодые женщины; одна из них была в мини-юбке и сапогах выше колен, а у другой волосы были убраны в пучок и повязаны лентой. Они пили кофе из бумажных стаканчиков и обсуждали свою знакомую, которая хорошо зарабатывала, занимаясь логистикой. Кирилл не знал, что это значит, и постарался от них абстрагироваться. Однако разговор сделал неожиданный поворот – речь зашла о том, как кто-то из них повстречал эксгибициониста, – и Кирилл почти против своей воли начал прислушиваться. Ровно в этот момент к женщинам подкатился потрепанной наружности мужичок и безо всякого предисловия объявил:

- Вы сидите в комнате без окон. За дверью – лев, медведь и верблюд. У вас пистолет с одной пулей. Ваши действия?

Пару секунд они смотрели на него ничего не выражающими взглядами, а затем та, что с пучком, отчетливо произнесла:

– Пошел в жопу.

Мужичок опешил, а Кирилл, воспользовавшись паузой, покинул свое место. Интуиция подсказала ему, что, придя в себя, потертый субъект возьмет-ся за него. Он уже научился вычислять подобных персонажей, которые слонялись по городу и привязывались к людям. Конечной их целью было, как правило, попросить денег, но иногда они ничего не просили – просто вываливали на слушателя истории про свою не сложившуюся жизнь, длинные, запутанные, с неперенным злодеем, который был во всем виноват. Лишь однажды Кириллу встретился человек, который считал удары судьбы делом случая. Перечисляя свои разнообразные неудачи, он добродушно посмеивался и говорил, изумляясь:

– Ну ты прикинь, как не подфартило? И так каждый раз!

Эти люди-липучки, как правило, были мужчинами, но иной раз среди них попадались и женщины. Пару недель назад Кирилл забрел на пустую детскую площадку и стал потихоньку раскачиваться на качелях, как вдруг на соседнее сиденье плюхнулась особа средних лет – так, что вся слабая конструкция зашаталась и Кирилл едва не упал носом в песок, – и спросила:

– А я ведь еще ничего? Скажи, а?

Губы ее были точно такого же цвета, как и лицо, отчего казалось, что губ у нее нет. Дама пригладила волосы, торчавшие на макушке сначала вертикально, а затем вбок, буквой Г, и пустилась в рассказ о своем неудавшемся браке.

После разговоров с такими людьми Кирилл чувствовал себя настолько измотанным, будто его заставили не слушать, а заниматься тяжелой физической работой. Он подозревал, что им было все равно, кому исповедоваться. Возможно, они даже не слышали сами себя, поскольку иногда рассказывали одно и то же по кругу, несколько раз. Многие из них рассудительным тоном говорили совершенно безумные вещи, и он научился их избегать.

Уйдя подальше от мужика и его загадки про пистолет, Кирилл собирался сесть в другом месте и дальше смотреть на воду и небо, но ощутил, что его беспокоит какая-то мысленная заноза. Не та, с которой он просыпался и засыпал, а новая, которая благодаря своей новизне свербила практически так же.

Вскоре он понял, к чему она относилась. На перемене перед последним уроком классная вызвала его к себе в кабинет и сообщила, что до конца учебного года осталось всего три недели и что у седьмого класса будут два важных теста. Их называют

контрольными, но это все равно что экзамены: все будет очень серьезно, с представителями комитета по образованию и отбиранием мобильных телефонов на входе.

– С русским у тебя еще ничего, а с алгеброй, – классная посмотрела на него, выразительно подняв брови. – Кирюша, мы понимаем, как тебе сейчас тяжело, но нужно постараться. Если хочешь, я буду оставаться после уроков и заниматься с тобой русским, а Вера Александровна, я уверена, согласится подтянуть с тобой алгебру.

От «Кирюши» его передернуло, как и от жалостливого тона классной.

– Нет-нет, спасибо. Я сам подготовлюсь, – ответил он и хотел сбежать.

– Точно? – Классная ухватила его за рукав.

– Точно.

Чуть раньше, на алгебре, переписывая в тетрадь примеры с доски, Кирилл ужасался тому, что совсем не понимает написанного. У него и до этого были сложные отношения с иксами и игреками: часто он не видел в них ничего, кроме бессмысленных закорючек, как бы напряженно ни вглядывался, но иногда сквозь петельки и хвосты все же проступало обозначаемое, и тогда он довольно легко приходил к правильному ответу. Сегодня все до единого символы, включая знак равенства, остались для Кирилла непроницаемыми, и он как будто копировал на бумагу слова из незнакомого языка.

По этой причине ему следовало идти домой и усиленно готовиться к тестам. Осенью, когда алгебра и геометрия только начались, с ним занимался отчим Андрей, но так как теперь его не было в живых, надеяться Кирилл мог только на себя. Он развернулся и поплелся в сторону дома, нарочно двигаясь медленно и разглядывая каждого, кто попадался ему на пути.

У фонарного столба старичок с жидкой бородкой вытряхивал на тротуар из мешка ржавые железки, и постепенно его лицо приобретало все более удивленное выражение, как будто он ожидал, что оттуда посыплются ценные вещи – бриллиантовые кольца, новые айфоны и пачки денег, – но его ожидания были обмануты. Крепкий мужик, идущий бодрым пружинистым шагом, наскочил вдруг на картонного человека, рекламировавшего салон связи, повалил его наземь и отпинал ногами, а затем так же внезапно бросил и отправился дальше по своим делам. Из салона вышли испуганные парень и девушка с беджиками на белых рубашках, взяли картонного человека под руки и быстро, как санитары на фронте, втащили его внутрь.

В последнее время ему стало казаться, что он провалился в какую-то прореху в пространстве и начал существовать отдельно не только от своих одноклассников, но и вообще от всех людей на Земле и даже неодушевленных предметов. И что с каждым днем он потихоньку истончается и исчезает, так что совсем скоро через него, как сквозь неосязаемую субстанцию, начнут проскакивать дети на самокатах и их собаки, старушки – прокатывать свои сумки-тележки, машины будут проноситься насквозь со свистом, и сам он перестанет себя видеть и чувствовать.

Часто прохожие говорили по громкой связи, стараясь перекричать тех, чей голос слышался из динамика. Всякий раз Кирилла подмывало спросить, в чем прикол – идти и орать на всю улицу, чтобы все были в курсе вашей беседы про то, где Марик берет стройматериалы и какая Юлька debilка. Иногда люди во всеуслышание говорили такие вещи, которые, казалось Кириллу, можно произносить только наедине с самыми близкими или даже ни с кем. Вот и сейчас женщина средних лет встала у него на пути и крикнула в телефон, который держала перед собой:

– И что, что мне теперь делать? Веревку на шею – и все?!

При этом она посмотрела на Кирилла в упор – так, будто это он довел ее до отчаяния. От неожиданности он тоже встал, но она пошла дальше и сказала уже спокойно:

– Нет, я еще поборюсь, конечно.

Открыв дверь, Кирилл обнаружил, что квартира пуста: по всей видимости, мама решила отработать полный день. После внезапной смерти Андрея она перестала ходить в офис и целые дни проводила, не вставая с кровати: либо смотрела в одну точку на потолке, либо лежала с закрытыми глазами, хотя Кирилл знал, что она не спит. Отчего-то это было невыносимо, и он начал с самого утра уходить из дома. Возвращаясь, он находил ее там же, на кровати, как будто за целый день она даже не шелохнулась. Мама не спрашивала его, куда он уходит, и не упоминала о школе. Казалось, она забыла, что существует такое понятие – школа. Но о работе ей забыть не давали, постоянно звонили и просили вернуться. И вот вчера вечером она вошла к нему комнату и сказала:

– Завтра я выхожу в офис.

Кирилл сначала испугался:

– А ты... сможешь?

– Не знаю. Но кто-то ведь должен зарабатывать деньги. Надо на что-то жить.

На лице ее было удивленное выражение, словно ей казалось нелепым, что бывают на свете такие странные штуки, как деньги, и что они нужны для того, чтобы жить. И что вообще надо жить.

Она помолчала, глядя в стену за спиной у Кирилла, а затем вдруг сказала глухо, будто из-под подушки:

– Знаешь, чего мне хочется? Заснуть прямо сейчас и проснуться через год, когда все пройдет.

Он вздохнул.

– Ничего не получится. Когда ты проснешься, будет все то же самое. Ты просто отложишь все это на год.

Раз мама собралась на работу, решил Кирилл, он тоже пойдет в школу. Во-первых, так будет справедливо. А во-вторых, в последнее время ему стало казаться, что он провалился в какую-то прореху в пространстве и начал существовать отдельно не только от своих одноклассников, но и вообще от всех людей на Земле и даже неодушевленных предметов. И что с каждым днем он потихоньку истончается и исчезает, так что совсем скоро через него, как сквозь неосязаемую субстанцию, начнут

проскакивать дети на самокатах и их собаки, старушки – прокатывать свои сумки-тележки, машины будут проноситься насквозь со свистом, и сам он перестанет себя видеть и чувствовать.

Единственным человеком, с которым он мог бы об этом поговорить, был Андрей. Кирилл представил его лицо с длинноватым носом, в верхней части которого просматривались массивные хрящи, и внимательный взгляд, с которым отчим задавал бы ему уточняющие вопросы. Он бы очень заинтересовался тем, что творилось с Кириллом, как интересовался всем, что не вполне поддается обычному восприятию и существует на стыке с непознанным или даже непознаваемым, от чего мама всегда отмахивалась и говорила, что это фантазии и к реальной жизни отношения не имеет. Однако с Андреем больше ничего нельзя было обсудить, поэтому Кирилл отправился в школу.

Теперь ему стало понятно, что это было не лучшей идеей. Он бросил рюкзак в прихожей и побродил по квартире. Вещи были раскиданы; пыль ровным слоем покрывала все видимые поверхности. Кирилл отыскал тряпку и начал протирать мебель, осознавая при этом, что на самом деле пытается оттянуть неизбежный момент встречи с алгеброй. Затем он распахнул шкафы все, что мог, и заглянул на кухню в поисках еды. В холодильнике обнаружилась лишь пачка пельменей, от которых его теперь воротило. Это было удивительно, так как раньше он думал, что может их есть бесконечно.

Ему все-таки пришлось взять тетрадь и учебник и сесть за письменный стол. Однако и за столом погрузиться в алгебру оказалось нелегко. Сначала Кирилл долго глядел за окно. По улице колонной двигались мотоциклы, блестя частями выпуклых панцирей, как жуки. Рабочие рыли траншею, через каждые несколько взмахов лопатой делая перекур. Из супермаркета выходили люди, груженные пакетами, и Кирилл пытался представить, что каждый из них купил. Затем он сообразил задернуть шторы, чтобы не отвлекаться, и включил настольную лампу. По его мысли, ее мягкий свет должен был помочь ему сосредоточиться. Но тут внимание его привлекла стопка листов с пометками красной ручкой, которую он сразу же опознал.

Последние несколько месяцев перед смертью Андрей переводил американского философа Питера Унгера и писал про него статью. Периодически он обсуждал с Кириллом теории Унгера и свои соображения по поводу них, так как это помогало ему точнее формулировать идеи. Кирилл потянул к себе лежащую сверху страницу и принялся читать. По-

началу текст показался ему непролазным: предложения длиной чуть ли не в треть страницы были устроены так, что слова, понятные каждое по отдельности, оказавшись вместе, превращались в бессмыслицу. Однако постепенно он втянулся и начал проникать в смысл написанного, а оторвался, только когда мама хлопнула входной дверью.

Он вышел ее встречать.

– Привет. Как прошел день?

Мама сняла туфли.

– Не знаю. Как-то прошел.

Едва слышно застояв, она растерла пальцами виски. Затем подняла глаза на Кирилла и напрягла лоб, словно припоминая, что ей нужно сказать.

– А... у тебя как прошел день?

– Супер. Отлично.

– Ты стал совсем взрослым. – Мама попыталась улыбнуться, и Кирилл увидел, что углы ее рта тоже как будто приклеили.

Так как она пришла без пакетов, он осторожно спросил:

– Mam, это... А что на ужин? Может, пиццу закажем?

– Конечно. Закажи, какую хочешь.

Она прошла в спальню и легла на кровать.

Второй день в школе оказался ровно таким же, как первый. Кирилл надеялся, что эффект новизны исчезнет и про него все забудут, но этого не произошло. Когда он приближался, разговоры затихали, а когда он поворачивался спиной, тут же начинались перешептывания. Физрук, который раньше не замечал Кирилла, приобнял его и скороговоркой, в своем фирменном стиле, предупредил, что завтра у них забег на сто метров, но он может не бегать, если не хочет. В столовке ребята из девятого класса пропустили – или, скорее, протолкнули – Кирилла вперед, чтобы он без очереди взял свою творожную запеканку и чай. Когда в него врезался третьеклассник, молодая училка оттащила ребенка в сторону, шикнув: «Ты что, осторожно!» И взглянула на Кирилла с тревогой.

Вот на что это было похоже: они вели себя так, будто у него открылась опасная болезнь. Как будто это у него обнаружилась церебральная аневризма, которая в любой момент могла лопнуть. Наверное, они боялись, что Кирилл внезапно упадет на пол и начнет корчиться в судорогах, как это произошло с Андреем, и что на губах у него тоже запузырится розовая пена и закатятся глаза. И все это будет как в фильме ужасов, и приедут врачи, которые не сообразят, что нужно делать, и скажут, что это обычный обморок. И придется вызывать еще одну

скоро, которая его заберет, но время уже будет потеряно... Хотя Андрей даже не был ему кровным родственником, и еще нейрохирург сказал, что для среднестатистического мужчины вероятность умереть от такой аневризмы крайне мала, тем более в возрасте до тридцати пяти лет.

Серафима – девочка, которая нравилась Кириллу своей независимостью и короткой стрижкой, – подошла к нему и предложила вместе позаниматься. Наверное, всем уже стало ясно, что он ничего не понимает в этих дурацких графических уравнениях. Но Кирилл отказался, даже немного грубо, потому как не нуждался в подачках. Где она была до этого? Почему раньше его не замечала?

После уроков он быстро зашагал прочь из школы, но Данила догнал его и, отдуваясь, сказал:

- Ну че, погуляем?
- А как же хоккей и русский?
- Мм... Отменился.
- Русский отменился? Или хоккей?

Данила замялся:

- И русский, и хоккей.
- Ну тогда пойдем, – согласился Кирилл. Все-таки они столько лет были лучшими друзьями.

Они пошли по направлению к центру на расстоянии друг от друга, которое сначала показалось Кириллу слишком большим, как будто они были не вместе. Но когда он попытался его сократить, ему стало некомфортно: видимо, он разучился быть с кем-то вдвоем. У Данилы было напряженное и озабоченное выражение лица, как у большинства взрослых. Оно словно бы говорило, что ничего хорошего в ближайшее время не ожидается, и надо стараться, терпеть, бороться до тех самых пор, пока все это в конце концов не закончится.

Видимо, Данила превращался во взрослого, и по этой причине им теперь было почти не о чем разговаривать. Кирилл попытался обсудить с ним новые фильмы и музыку, но Данила, как оказалось, в последнее время ничего не смотрел и не слушал. Потом они долго молчали, и Кирилл, увидев прямо по курсу зоомагазин, предложил туда заглянуть, чтобы разрядить обстановку. Они зашли туда и застряли на час. В огромных аквариумах там плавали потрясающие тропические рыбы: желтые с синими пупырышками, фиолетовые с зелеными гребешками, красно-желтые, будто охваченные пламенем. Один был заполнен крошечными акулами с необыкновенно злыми мордами: они суетливо нарезали круги, словно бы в поисках лоха, у которого можно отжать телефон. В отдельном резервуаре Кирилл и Данила увидели множество червяков, торчащих из пе-

ска строго вертикально и покачивающихся вместе с колебаниями воды. А в самом дальнем углу сидела в полупрозрачной баке рыба, похожая на собаку: она неотрывно смотрела на Кирилла и шевелила губами, пытаясь ему что-то сказать.

Когда они вышли на улицу, им снова стало неловко. Раньше они могли болтать без умолку и истерически хохотать, потому что им все казалось смешным: и истории, которые они друг другу рассказывали, и сценки, которые они наблюдали во круг. Но сейчас истории не вспоминались, и поблизости ничего интересного не происходило. Тогда Кирилл, чтобы только не молчать, начал рассказывать Даниле про Питера Унгера и его идеи. Несколько месяцев назад, когда Андрей впервые заговорил с ним на эту тему, он начал со странного вопроса:

- Что такое телепортация, по-твоему?

Кирилл удивился:

- Ну, это когда тебя за несколько секунд перенесут из одного места в другое.
- Хорошо, а как это делается? Что за технология, можешь объяснить?

До этого Кирилл как-то не задумывался о подобных вещах, поэтому не знал, что ответить.

- Ты в одном месте исчезаешь, а в другом появляешься, так? И где ты находишься между этими двумя моментами? – продолжал Андрей.

- Наверное, двигаюсь. Лечу по воздуху.
- Но мы знаем, что за несколько секунд ты не долетишь от Земли до Марса – это противоречит законам физики.

- Тогда не знаю.

- Телепортация – это когда в месте отправления тебя уничтожают, но сначала считывают информацию о том, как ты устроен. Информацию можно передать очень быстро, скажем, по радио. А на месте прибытия тебя собирают из новой материи согласно описанию.

- Ха, понял. Прикольно.

- Как ты думаешь, тот человек, который появляется в месте назначения, это ты или не ты?

- А он точно такой же, как я был до этого?

- Абсолютно. Никакой разницы.

- Тогда это я.

- Хорошо. А если информацию передать на двадцать разных планет, и в двадцати разных местах появятся двадцать точно таких же людей, как ты? Они все будут ты или только один из них будешь ты?

Кириллу такой вариант не понравился:

- Наверное, только один.

- А почему?

Мама рассказала ему про тайник: в обувной коробке, под ее черными лакированными туфлями, лежала целая пачка пятитысячных. Кирилл отлепил купюру – все они были новые, липли друг к дружке и казались ненастоящими, – и отправился в супермаркет.

– Не знаю. Просто мне так кажется.

Дальше Андрей начал объяснять, что современные философы занимаются этой проблемой, которая называется проблемой тождества личности. Они пытаются выработать критерии, по которым мы сможем понять, что на самом деле происходит с человеком в результате таких высокотехнологичных манипуляций – чтобы, когда они станут доступны, мы знали, как с ними обращаться.

– Питер Унгер кажется мне самым интересным мыслителем, который работает в этой области, – продолжал Андрей. – Он развивает идеи Дерека Парфита – был такой знаменитый британский философ, который первым поднял проблему телепортации. Но Парфит утверждал, что критериев, согласно которым мы можем сказать наверняка, кто появится на Марсе в результате телепортации, нет, а Унгер говорит, что они есть. Один из таких критериев – физическая непрерывность. Не должно быть такого момента, когда тебя – то есть объекта, сохраняющего твои базовые психологические функции, – не существует вовсе. Телепортация не удовлетворяет этому критерию, так что на Марсе появится идентичное тебе существо, которое будет обладать суммой твоих знаний и памяти, но вовсе не ты.

Кирилл пересказал все это Даниле, как сумел.

Тот отнесся к проблеме со всей серьезностью. Он

долго тер лоб рукой, которой до этого трогал жабу в террариуме, а затем сказал:

– Получается, телепортация – это не способ перенестись в пространстве, а способ умереть?

– Получается.

– И что же делать? Эта технология скоро появится. Я читал, что ученые уже научились телепортировать несколько атомов за раз. Думаю, лет через двадцать-тридцать можно будет телепортироваться из Москвы в Японию.

– Я не буду телепортироваться, – сказал Кирилл. – Полечу на самолете, если надо будет.

– Может, надо всем рассказать, что говорит Унгер, и тогда ученые перестанут работать над этой технологией?

– Ну... не знаю. Это полезная штука. Можно телепортировать большие предметы – деревья или дома. Или космические корабли.

– Но какой смысл телепортировать их без людей?

– Не знаю, – честно ответил Кирилл.

У него вдруг возникло странное ощущение – как будто он живет очень давно, может быть, целые столетия, и что он все уже видел и слышал, и что ему все надоело до такой степени, что продолжать дальше нет смысла. Ему стало тяжело дышать, и он открыл рот пошире, чтобы набрать больше воздуха. Через несколько мгновений ощущение исчезло.

Домой Кирилл пришел очень голодным. Утром он совершенно забыл про деньги, и мама о них тоже не вспомнила. Открывая холодильник, он надеялся обнаружить там остатки вчерашней пиццы, но увидел все ту же пачку пельменей.

Он никогда не увлекался едой. Ему казалось, что он может есть все – главное, чтобы не шпинат и не брокколи. А мясные полуфабрикаты, которые в их доме не водились, потому как Андрей считал их вредными, Кирилл и вовсе обожал. Однако после полутора месяцев пельменной диеты он понял, что ему хочется настоящей еды.

Он написал маме:

зайдешь в магазин?

картошки хочется

и соленых огурцов

Мама ответила:

Милый, я что-то совсем без сил. Сходишь сам?

у меня денег нет

Мама рассказала ему про тайник: в обувной коробке, под ее черными лакированными туфлями, лежала целая пачка пятитысячных. Кирилл отлепил купюру – все они были новые, липли друг к дружке и казались ненастоящими, – и отправился в супермаркет.

Раньше, когда его просили сходить в магазин, ему всегда выдавали список, поэтому сначала он растерялся и долго катал между полками пустую тележку. Но мало-помалу заполнил ее продуктами, взяв черный хлеб, яйца, картошку, помидоры, соленые огурцы, яблоки, консервированный горошек, сок и печенье. В самом конце он добавил туда еще парочку замороженных пицц и куриные наггетсы.

Дома он быстро перекусил огурцами с хлебом и посмотрел в ютубе несколько обучающих видео по запросу «как жарить картошку». Затем почистил несколько крупных картофелин и с непривычки порезал палец, так что пришлось туго замотать его пластырем. Брусочки у него получились разной толщины, а после он устроил чад и долго проветривал. На среднем огне картошка никак не хотела доходить до готовности, продолжая быть сыроватой. В итоге, после всех этих манипуляций, вышло совсем не то, на что он рассчитывал, но даже в виде распаренной массы с вкраплениями поджаристых корочек картошка оказалась вкусной.

Когда Кирилл выставил перед мамой тарелку с собственноручно приготовленным ужином, она изумилась:

– Это просто потрясающе. Какой ты у меня молодец!

Затем ткнула вилкой в кусок помидора и замерла.

Чтобы не сидеть в тишине, Кирилл придумал спросить ее насчет ситуации на работе. Но вовремя спохватился: вдруг ее коллеги тоже ведут себя странно – шепчутся у нее за спиной и дарят ей канцтовары? И потому сказал не первое, а второе, что пришло ему в голову:

– Завтра у нас будет забег на сто метров. А сегодня мы проходили решение уравнений графическим способом.

Через некоторое время мама спросила его:

– Как школа? Что вы проходили сегодня?

Кирилл внимательно посмотрел на нее, а она вдруг сказала:

– Знаешь, мы поругались с Андреем в тот самый день, когда... все случилось. Это ерунда, разумеется: все ссорятся, а потом мирятся. Он знал, как я его люблю. Но я все равно теперь думаю о том, что он ушел, когда мы были в ссоре.

– Mam, всё! Постарайся об этом не думать. Конечно, он знал, что ты его любишь.

Кириллу очень хотелось сменить тему; он заерзал на стуле и постарался мысленно донести до мамы эту идею. Но она продолжила:

– А еще мы ужасно поссорились пару месяцев назад, когда тебя не было дома. Я тогда очень ра-

зозлилась и сказала Андрею безобразные, непристойные слова.

Кирилл замер, и она очень тихо произнесла:

– Чтоб ты сдох. Я это выкрикнула. Чтоб ты сдох. Но это были просто слова. Они ничего не значили, я клянусь. Я разозлилась и...

– Mam! Mam!

Кирилл встал, подошел к ней и, взяв ее за плечи, попытался заглянуть ей в глаза, но мама отвела взгляд. Рот ее скривился, и она начала беззвучно плакать.

– Mam, ты же не серьезно сейчас? Ты же не думаешь, что это случилось из-за твоих слов? Ты же не веришь во все эти сказки?

– А еще я... кинула в него... кремом для рук.

Кирилл прижал ее к себе и стал гладить по волосам:

– Да он даже не обратил внимания на твои слова, я уверен! Он был очень добрым и не замечал эти твои вспышки. Когда ты на него кричала, он улыбался и подмигивал мне, но так, чтобы ты не видела.

Мама отняла от его футболки лицо с черными расплывшимися глазами и спросила с надеждой в голосе:

– Это правда?

Над Кириллом продолжала висеть алгебра. Она непрерывно напоминала о себе, отравляя каждую секунду. Поэтому, сложив в раковину посуду, он поволок себя заниматься.

По пути в комнату его взгляд упал на велосипеды, на которых они с Андреем раньше катались. Почему-то он вспомнил, как во время одного из заездов они купили в парке воздушные шарики и после дышали гелием и ржали, беседуя мультяшными голосами.

У родного отца Кирилла от природы был такой голос, как будто он подышал гелием: высокий и писклявый. Кирилл не любил встречаться с отцом, поскольку на него нельзя было положиться даже в мелочах, и еще он искал любой предлог, чтобы обидеться, так что в его присутствии лучше было молчать. Когда они развелись с мамой Кирилла лет восемь назад, первое время отец приходил повидаться с ним раз в месяц-два, а затем эти встречи становились все более редкими и в итоге сошли на нет, чему Кирилл был только рад.

Сев за стол, он принял решение не смотреть за окно, а сразу открыть учебник. Однако уже на третьей строчке параграфа мысль его, не сумев протолкнуться сквозь нагромождение знаков и слов, завис-

ла. Пару минут он просидел в ступоре и обнаружил себя держащим в руках лист бумаги с пометками красной ручкой. Это была страница из середины статьи Андрея, на которой он остановился вчера.

«Пропоненты биологического направления утверждают, что человек (person) равен своему биологическому телу и что высшая когнитивная деятельность – это всего лишь фаза в его развитии, – прочитал Кирилл. – Однако Унгер считает, что человек – это, фундаментальным образом, его психика, и предлагает гипотетические сценарии, в которых он может быть отделен от своего тела. К примеру, если нейроны его головного мозга по одному, соблюдая определенные условия, постепенно заменять бионическими структурами с идентичными свойствами, а затем получившийся мозг отделить от тела, тело продолжит существовать в вегетативном состоянии, а человек будет в этом случае равен бионическому мозгу».

Эту ситуацию, когда человеческие нейроны по одному заменяют компьютерными чипами, они с Андреем тоже несколько раз обсуждали. Тогда Кирилл был, скорее, согласен с мамой, которая говорила, что все эти мысленные эксперименты не имеют отношения к реальности: ему казалось, что они обсуждают фантастическое кино. Но Андрей говорил о гипотетических трансформациях человека с таким увлечением, как будто в ближайшем будущем что-то подобное должно было произойти с ним самим. Однажды он с хитрым блеском в глазах спросил: – А как ты считаешь, если прямо перед моей смертью меня отсканируют и, когда я умру, сделают идентичного мне человека, кто это будет? Я или не я?

Кирилл был уже хорошо подготовлен и знал правильный ответ.

– Понятно, что не ты. Но разве это важно? Этому человеку будет казаться, что он – это ты. И твои друзья и родные будут уверены, что он – это ты. И все будут счастливы, так?

– Предположим, что так.

– Тогда какая разница?

Андрей задумался и дотронулся указательным пальцем до кончика своего носа. Он часто делал это в тех случаях, когда требовался ответ на непростой вопрос.

– То, что я сейчас скажу, скорее всего, покажется тебе странным. Счастье – это не единственное, что важно. Есть вещи, которые важнее.

Кирилл и впрямь удивился: ведь Андрей сам ему рассказывал про слезинку ребенка, которая гораздо важнее мира во всем мире. Но вместо того, чтобы

поймать его на противоречии, Кирилл неожиданно брякнул:

– А ты счастлив?

Вообще-то уже давно, методом проб и ошибок он пришел к выводу, что нельзя задавать прямые вопросы на серьезные темы, особенно взрослым, – и этой политике следовал. От подобных вопросов у людей, как правило, портилось настроение или они отвечали так, что лучше б молчали. Однажды когда он учился в четвертом классе, Кирилл спросил маму, как быть, если тебе на спину прилепили жвачку и ты ходил с ней два часа, как придурок, пока кто-то не жалился. А она вместо ответа стала вглядываться в пространство поверх его головы, хмуря брови, словно там ей показывали что-то важное, но в плохом качестве, и наконец сказала: «Детство – это ад. Но то, что потом, еще хуже. Поэтому не взрослей, если сможешь».

Так что вопрос про счастье, который взялся неизвестно откуда, заставил Кирилла вздрогнуть и устыдиться, как будто он зашел в туалет без стука и застал человека в малоприличной позе.

Однако Андрей, снова притронувшись пальцем к носу, ответил:

– Бывают моменты, когда мне кажется, что я счастлив, даже очень. Но в основном – скорее, нет.

Кирилл тогда немного обиделся, так как принял слова отчима на свой – и, разумеется, мамин – счет. Но потом вспомнил, что у Андрея была дочь от первого брака, которую тот не видел уже много лет, так как ее увезли в другую страну. Она была младше Кирилла, хотя он точно не помнил, на сколько, – отчим редко о ней говорил. А что если было что-то еще, о чем Кирилл не догадывался? Может, Андрею не очень-то нравилось жить с его мамой, которая бывала несдержанна? Когда они ссорились, мама кричала и называла Андрея педантом и крохобором, а еще человеком, который настолько заиклен на правилах, что не дает жить другим. Но это случалось не так уж часто, и, поразмыслив, Кирилл пришел к выводу, что у отчима с мамой нормальные отношения. Через стену от них жили люди, которых они ни разу не видели, так как квартира их располагалась в соседнем подъезде, и эти орали в десять раз чаще и, как правило, матом.

– А ты? – задал ему встречный вопрос отчим. – Ты счастлив?

Кирилл хотел что-нибудь сморозить в ответ – в голову даже пришла дурацкая фраза из мемасика. Но ему стало стыдно увливать, и он честно сказал: – Я тоже скорее нет.

В дождь всё вокруг – дома, деревья, автобусы, даже прохожие под зонтами – казалось тяжелым, набрякшим, безрадостным, но что-то все равно было в том, чтобы долго идти по улице, ощущать, как капли стекают за шиворот, и даже не пытаться укрыться.

Просто в то время ему казалось, что счастье – это если у него будет куча друзей и симпатичных девочек, и абсолютно все будут им восхищаться, и жизнь его будет чередой классных тусовок и приятных сюрпризов.

Утром Кирилл вышел из подъезда вместе с мамой. Поцеловав его в щеку, она направилась в сторону метро, а он зашагал к школе. Но на середине пути ноги его сами собой замедлились и как будто застряли, и он понял, что в школу не пойдет. Вечером классная позвонит маме – это было ясно. Она расскажет ей про алгебру и про русский, и придется сначала оправдываться, а потом что-то решать. От этой мысли Кириллу стало тоскливо, но до вечера времени оставалось полно и еще можно было придумать, как выкрутиться.

Он дошел до макдачной, купил большой чай, что-бы никому не пришло в голову до него докопаться, и уселся в дальний угол. Там он убил пару часов, зависая в «ВКонтакте». Когда это занятие ему надоело, он вышел на улицу и огляделся, прикидывая, куда бы пойти. Но на душе было до того тревожно и муторно, что идти не хотелось вообще никуда. Хотелось уткнуться лицом в подушку и заорать.

Кирилл поплелся в сторону дома. Кроссовки его мерзко шаркали по асфальту, однако он ничего не предпринимал и продолжал волочить ноги, невзирая на негодующие взгляды прохожих. Собственное существование стало казаться ему настолько тош-

нотворным, что вскоре у него в желудке возникло ощущение плотной горячей массы, которая начала двигаться вверх. Кирилл притормозил в ужасе, схватившись руками за живот, но в этот момент его посетила спасительная идея.

Перейти в другую школу – вот что ему следовало сделать! Туда, где никто не будет в курсе случившегося, не станет его жалеть, или сторониться из-за безотчетного страха, или шептаться, а потом делать вид, что все в норме. Где никто не будет знать, что он не умеет разговаривать с девочками и стесняется танцевать и что однажды его рюкзак неизвестные хулиганы скинули с третьего этажа. Он придет в новую школу, парень, о котором ничего не известно, и сможет начать все сначала, и на этот раз у него все получится.

Это решение показалось Кириллу невероятно простым, но оттого не менее гениальным. И мама наверняка будет не против, если он сам найдет новую школу и все разузнает. Удивительно, что он не додумался до этого раньше.

Ему сразу полегчало, как будто он скинул жилет из свинцовых пластин, который используют в рентген-кабинете. Выпрямив спину, Кирилл отправился по одному из своих любимых маршрутов, на Пушкинскую.

День становился душным и жарким. Небо сияло равномерным серо-жемчужным светом, отчего глаза приходилось прищуривать, но солнце как будто исчезло. Кирилл попытался его найти, но не смог.

Тогда он вообразил, что смотрит сквозь атмосферу и видит огромное, черное пространство космоса. На большом расстоянии друг от друга мерцали галактики, то синими, то зеленоватыми отблесками, и появлялись планеты разных размеров, одна из них ледяная, другая – с поясом из астероидов. Затем Кирилл постарался представить солнце – гигантский огненный шар, который висит посреди ничего, так как в космосе даже нет воздуха... Но об этом было до такой степени удивительно думать, что у Кирилла зашепотало затылок. Невероятно: изо дня в день люди ходят в школу и на работу, забегают в магазин за продуктами, перекидываются ничего не значащими фразами, ругаются, выполняют домашние дела или откладывают их на завтра и ложатся спать – и ни разу на протяжении дня не вспоминают о том, что мы тоже висим посреди ничего и что где-то есть черные дыры и звездный ветер. И он сам почти никогда об этом не вспоминает. Даже во время разговоров с Андреем, когда речь шла о путешествиях на Марс или Венеру, Кириллу казалось, что космос – это что-то ненастоящее,

Присев на лавку у статуи Пушкина, плечи и голова которого были обгажены голубями, Кирилл неожиданно для себя понял, как работает парадокс. Отчим объяснял, что по-гречески это слово означает «странный» и что в философии парадокс возникает, когда два противоречащих друг другу вывода оба оказываются верными.

из фильмов, в которых все нарисовано при помощи компьютерной графики.

Кирилл вспомнил, как Андрей, пока его грузили в скорую на носилках, что-то пытался ему сказать. Но вместо слов у него получались пузыри из слюны, при этом глаза его вылезли из орбит и дергались из стороны в сторону. Кирилл так и не узнал, что хотел передать ему отчим. Когда на следующий день ему разрешили войти в палату, глаза Андрея были закрыты; он лежал неподвижно и дышал при помощи аппарата. Кирилл тогда успокоился: обстановка показалась ему почти идиллической, и врач будничным тоном сказал, что Андрей в коме. А кома – это довольно распространенное состояние, подсказал гугл. Однако после переговоров с нейрохирургом в его кабинете мама Кирилла вышла с таким лицом, что он испугался. И только через неделю узнал, что Андрея в палате тогда уже не было: осталась лишь его телесная оболочка. Мозг его умер еще накануне, а сердце и легкие продолжали работать благодаря медицинской технике.

Первое время Кирилл страшно злился на отчима – так, что начинал задыхаться от гнева. Почему он умер так тупо? Его же не сбил автобус и не раздавил рухнувший столб. Что он, не мог сделать об-

следование и узнать, что у него в голове кровяной мешок, который может в любую секунду лопнуть? Вечно учил Кирилл следить за здоровьем, ложиться спать вовремя и есть зеленые овощи, а сам оказался лузером, который не понял, что происходит в его собственном черепе! Кирилл нарочно вспоминал про Андрея самое неприятное: как тот иногда становился чужим и холодным, из-за чего Кирилл начинал робеть и боялся произнести лишнее слово. Как наказывал его за провинности, отнимая телефон или компьютер. Как читал ему нотации – о том, как важно иметь амбиции или разносторонние интересы. Накрутив себя, Кирилл приходил в такую ярость, что однажды пролез через дырку в заборе на стройку, схватил лом и стал крушить все, что попало ему на глаза: палеты с уложенными поверх кирпичами, мешки с сухой смесью, ведра и доски. Когда от железной тачки отлетели колеса, а его руки ослабли и отказались повиноваться, он рухнул на землю и зарыдал.

Потом его злость иссякла, и он стал вспоминать только хорошее. Андрей занимался с ним спортом и готовил ему полезные завтраки, водил его на экскурсии и показывал документальные фильмы, которые обязательно обсуждал с ним и спрашивал, какие выводы Кирилл для себя сделал. Он ходил на все родительские собрания и школьные концерты, даже самые идиотские типа «Праздника весны», на котором учителя наряжались в кокошники и пели ужасными голосами. Мама на такие мероприятия, как она сама говорила, не пошла бы и под угрозой пыток, а Андрей их не пропускал и громче всех хлопал, когда Кирилл выходил на сцену.

А теперь? Кто теперь ему будет хлопать?

Присев на лавку у статуи Пушкина, плечи и голова которого были обгажены голубями, Кирилл неожиданно для себя понял, как работает парадокс. Отчим объяснял, что по-гречески это слово означает «странный» и что в философии парадокс возникает, когда два противоречащих друг другу вывода оба оказываются верными. Если бы Андрея в точности воссоздали здесь и сейчас из другой материи, это совершенно точно был бы не он, так как он уже больше месяца лежал в ящике под землей. Но для Кирилла и его мамы это было бы самым большим подарком на свете. Новый Андрей не знал бы, что он – ненастоящий, и считал бы себя старым Андреем. А Питер Унгер ничего не сказал бы по этому поводу, потому что он далеко, в Нью-Йорке, и вообще – кто бы ему сообщил?

В этот момент Кирилл ощутил на себе чей-то взгляд. Повернув голову, на соседней лавке он уви-

дел девочку из параллельного класса, имени которой не знал, но которая всегда ему нравилась. У нее были синие волосы, а одета она была во все черное. Она смотрела на него так внимательно, как если бы готовилась произнести что-то важное. Но она молчала, и Кирилл первым сказал:

- Привет.
- Привет.
- Ты чего не в школе?
- Прогуливаю.

Он не сумел придумать ответную реплику. Тогда она улыбнулась:

- С тебя пример беру.
- Они помолчали.
- Хочешь пройтись? – предложил вдруг Кирилл и застыл, испугавшись, что выставил себя дураком.

Но она согласилась, и они вместе пошли по направлению к Патрикам. Оказалось, что девочку зовут Катя и что она переходит в другую школу.

- Ты тоже? – удивился Кирилл.
- В смысле, тоже?
- Я перехожу в другую школу.
- А. Меня переводят в лицей с углубленным изучением истории. А тебя?
- Не знаю пока. Может, мне надо узнать про этот твой лицей. Если честно, у меня не идет алгебра. Она мне не интересна.
- У меня тоже не идет, – сказала Катя. – Кому она может быть интересна?

По пути они разглядывали витрины и несколько раз заходили в магазинчики, где продавались керамические фигурки, холщовые сумки и странные картины. Потом купили белый батон, чтобы покормить уток. Когда они вышли к пруду и встали на берегу, птицы, которых было немного, не обратили на них внимания и продолжали сидеть на земле с сонным видом или потихонечку дрейфовать. Кирилл сказал:

- Сейчас я тебе кое-что покажу.

Он начал делать широкие взмахи руками, как будто что-то разбрасывал – крупу или, может быть, деньги. И тут же со всех сторон к ним поперли утки. Выяснилось, что их намного больше, чем показалось вначале: одни, переваливаясь, заспешили к ним по берегу, другие поплыли издалека, разрезая воду, как катера, а третьи спускались откуда-то сверху и громко хлопали крыльями, приземляясь. И все тут же принимались искать то, что Кирилл разбрасывал. Катя стала смеяться, и Кирилл замахал руками еще интенсивнее. Но утки, не обнаружив еды, начали наседать на них, угрожающе крякая, и устроили чудовищный гвалт. Тогда Катя, задыхаясь от смеха, стала крошить им хлеб.

Оставшуюся от батона горбушку Кирилл бросил в воду подальше, чтобы утиный базар переместился за ней:

- Все, больше ничего нет! Плывите туда, кыш.
- Небо над прудом потемнело, как будто собирался дождь. Катя с Кириллом сели на газон и стали смотреть на лохматую коричневую собаку, которая прыгнула в воду за мячиком, и на рабочих в спецовках, монтирующих в дальней части пруда конструкцию вроде плавучей сцены. Потом из окна дома напротив вывесили огромный флаг непонятного назначения, желтый с черным. Он развевался на ветру, а после закрутился вокруг флагштока, и двое мужчин попытались его расправить. Но флаг рухнул на землю, и эти двое выбежали из подъезда, чтобы поднять его.

- Хорошо, что внизу никого не было, – сказала Катя. – Такой штукой по голове – мало не покажется.
- Это точно, – согласился Кирилл.

Двое мужчин снова вывесили флаг из окна и попытались его расправить, на сей раз успешно.

Кирилл почувствовал, что кожа его лица потеплела, нагретая невидимым солнцем. Затем тепло распространилось по телу, и глаза его стали сами собой закрываться. Он откинулся и лег на траву, примостив свой рюкзак под голову. Едва ощутимый ветер трогал его за ресницы и перебирал волосы, а затем принес несколько музыкальных фраз, прозрачных и легких. Кирилл подумал о том, что скоро наступит лето и что даже если ты равнодушен к цветам и тополиному пуху, ты всегда ждешь лета и радуешься. Все остальные мысли, которые донимали его в последнее время, смялись, скукожились, откатились на дно сознания и остались там, затихнув, застыв. Их место тут же заполнили облака и цветные вихри, которые поплыли у него перед мысленным взором, превращаясь то в человекообразных существ, то снова в абстрактные формы. Дыхание его стало глубоким и ровным.

Вскоре Катя тоже легла рядом. Перед тем как уснуть, Кирилл ощутил на своей руке ее ладонь.

